

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6я43
Г12

Оформление серии *Елены Окольной*

Гаврилов, Степан.

Г12 Опыты бесприютного неба / Степан Гаврилов. — Москва : Эксмо, 2020. — 288 с.

ISBN 978-5-04-104888-4

Родившимся на излете девятых прошлое досталось в виде мифа. Иногда героического, иногда — иронического. И кем себя считать — потомком героев или клоуном, — каждый решает сам для себя.

Герои Степана Гаврилова — революционеры без революции.

Получится ли у них изменить мир?

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6я43

ISBN 978-5-04-104888-4

© Гаврилов С., текст, 2020
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Ситуация такая: я сжимаю зубы. Только не так, как обычно, не так, как сжимают зубы все люди. Я сжимаю их в руках. Точнее, даже не сами зубы, а сумки с зубами. Я зубонос — сейчас это моя основная работа. Не ой как престижно, не денежно, и, конечно, совсем не то, чем я хотел бы заниматься в жизни, но в целом — сойдет.

Каждый день я встаю в шесть утра и отправляюсь на Обводный канал, в зуботехническую лабораторию. Там меня встречает девушка с потухшим взглядом. Она отдает мне две китайские полиэтиленовые сумки с зубными протезами и адреса стоматологий в спальных районах Питера. До вечера я должен успеть разнести все, иначе людям будет нечем жевать ужин. Если вы захотите вставить зубной протез в одной из стоматологий этого города — будьте уверены, ваш заказ доставлю либо я, либо мой глухонемой коллега,

либо латинос Эстебан. Мы ребята опытные, не опаздываем, несем протезы аккуратно. Можно сказать, мы — элитные зубоносы.

Времени подумать у меня много. Я бы сказал даже, что слишком много. Вот и думаешь об чем угодно, только бы не видеть эти расчерченные тропами бесконечные дворы спалльников, а кроме — бетон, бетон, асфальт.

И так, тихой сапой, повспоминав о том и о сем, подходишь к основам. К самому сокровенному, что ли. К началу. А оно там, в том моменте, когда стало впервые по-настоящему стыдно, — именно тогда все и началось.

В первый раз это случилось лет в двенадцать. Вообще, я рос ребенком послушным, но однажды-таки вляпался. На одном из уроков к нам в класс пришел бородатый, кругленький мужик с мощной копной рыжих волос. Он показывал фотографии своего террариума — неведомые ящерицы и прочие пресмыкающиеся обитатели далеких уголков планеты жили в больших стеклянных кубах. Рыжик пригласил нас на экскурсию завтра в десять утра. Я пришел вовремя, меня завораживали веселые существа, которых до этого я видел только на картинках в энциклопедии, — очень хотелось познакомиться с тварями лично, да побыстрее.



ОПЫТЫ БЕСПРИУТНОГО НЕБА

Дверь была закрыта, хозяин заведения еще не пришел. Зато пришла Лика — бледная костлявая одноклассница. Она всегда ходила с Бондарь — дородной лыжницей, своей подругой, но сегодня была одна. Никто из наших больше не явился — детей заводских рабочих не проймешь такой фигней, как ящерицы, змеи и тритоны. Мы стали ждать с Ликой вдвоем, усевшись на ржавую «радугу» во дворе. Я тут же позабыл о рептилиях — мне очень нравились большие глаза одноклассницы и ее худые бедра. К тому же у Лики стали наклевываться кое-какие формы. В газетах писали, что раннее созревание — это все от продуктов ГМО. Но в то время в газетах чего только не писали, поэтому я ни о чем не думал, а просто как мог жадно созерцал.

Рыжик не шел, и я предложил Лике прогуляться. В первом же ларьке на мелочь, которую мне оставила мама на обед, я купил мармеладных червей — вроде как компенсация за настоящих тварей, но Лика не стала их есть. Мы проходили мимо моего дома, и я предложил ей зайти.

За то, что было дальше, я не в ответе. Это все раннее половое созревание, продукты ГМО и полное отсутствие эротической грамот-

ности. Допив чай и доев последнего червя, я сказал Лике прямо, что она вызывает во мне известные чувства, и было бы неплохо — ну раз уж экскурсия сорвалась — заняться сексом. Ее бледные щеки зачем-то загорелись, она неуверенно поинтересовалась, что это такое и почему мы должны заниматься этим. Мои долгие объяснения не прошли даром, она слушала внимательно, но в итоге почему-то решительно сказала «нет». Лика спешно спускалась по лестнице, а я махал ей в дверях, пытаюсь встать таким образом, чтобы скрыть свой совсем еще мальчишеский стояк.

В школе Лика больше не заговорила со мной ни разу. Зато потом... Но об этом позже, сейчас есть вещи поважнее.

Я почему-то неожиданно заинтересовал Ликину бабушку. На одном из вечеров собрались все родители, мы играли какие-то сценки из «Трех мушкетеров». Я блистал. Особенно мне удавалось размахивать шпагой на «Пора-пора-порадуемся».

И вот, после выступления бабуля Лики — добропорядочная старушка, единственная живая родственница моей желанной, отвела меня в сторону, сняла свои большие очки и вкрадчиво спросила: «А мама твоя что, не пришла?»



ОПЫТЫ БЕСПРИУТНОГО НЕБА

Мне бы надо с ней поговорить. О твоём поведении». Я опозорил честь мушкетеров — засал, как последний гугенот. Мама не пришла, и слава Франции! Я сгорал от стыда и еще с месяц плохо спал, представляя, что бабушка Лики все-таки расскажет моей матери «об моем поведении». Приходя вечером домой, я незаметно выключал телефон из сети, чтобы вечером не раздался роковой звонок.

С тех пор мне порой мерещится бледное, морщинистое лицо старой женщины, которая готова съесть меня за проявление весьма прекрасных чувств. Мне кажется, ее старческий лик мог бы стать отличной эмблемой стыда вообще, стать логотипом общественного суда. Портреты этой благородной бабуси можно печатать на красных нарукавниках в белых кружочках и раздавать специально сформированным отрядам по борьбе с проявлением зрота.

У твоего подъезда ночью, в тусклом свете единственного фонаря, останавливается черный воронок. Тук-тук. «Это вы тут предложили вашей однокласснице потрахаться двадцать пятого февраля примерно в одиннадцать тридцать по местному времени? У нас ордер на ваш арест, одевайтесь».

С тех пор я не стыжусь как-то иначе. Любой мой стыд — всего лишь гереат, воспроизведение того щемящего унижения, которое чувствовал я тогда, стоя в коридоре школы в костюме Д'Артаньяна, потирая накладные усы. Это чувство хватает меня в самые неожиданные моменты жизни, в самые яркие и настоящие. Например, когда я, лучший мушкетер за уральским хребтом, разгоряченный, спускаюсь в лучах славы со школьной сцены, или когда стою на раскаленной трассе и ловлю попутку, когда хочу сказать то, что действительно важно. Грубая реальность с лицом благообразной бабушки хватает тебя за плечо в самые чистые минуты — она апеллирует к твоему стыду и хочет поговорить о твоём поведении. Поговорить о твоём поведении! Сиди смиренно, хочется трахаться — подрочи, тебе всего двенадцать.

Все, что мне нужно, — задушить это властное, лицемерное создание, поправляющее очки и всматривающееся в самый центр моего черепа. Нет, не совесть ограничивает меня, совесть — это ощущение внутренней целостности. Вот стыд — это стыдно. Это стыд чужой, овечий, его могут генерировать только старики духа — эмоциональные импотенты, у которых



ОПЫТЫ БЕСПРИУТНОГО НЕБА

может эрегировать лишь один орган — перст указующий.

Меня завораживает полнота жизни тех, кто лишен этого стыда. Кто-то не прилагает никаких усилий к тому, чтобы сделать из своей жизни фееричное шоу, один сплошной хеппинг на диких скоростях, — и все потому, что стыда перст указующий все время проскальзывает мимо них.

Первый человек подобного сорта — Ролан, живший по соседству в городе моего детства — маленьком уральском городке у подножия хребта. Ролан держал в страхе весь район. Знала его каждая псина в округе. Но меня он никогда не трогал, иногда только мог пошутить по поводу длинных волос. И все-таки мы его боялись. На год постарше меня, он выглядел куда как солиднее любого мужика, уже лет с тринадцати брился — о себе давала знать армянская национальность его отца, пропавшего неизвестно когда и как.

После девятого класса Ролан пошел в техникум. Появлялся он там, кажется, всего два раза — первый раз во время поступления. Второй раз он переступил порог альма-матер, когда возвращался с пьянки ночью. Его нашли под утро в дворницкой, вход в которую нахо-

дился с черного хода. Его пытались разбудить, но это было невозможно. Дворничиха заботливо поставила возле храпящей стокилограммовой туши бутылку с водой и ушла по своим делам. В остальное время он мог ошиваться возле ворот учебного заведения разве что в конце месяца, когда студентам выдавали стипендию. Сам он ее не получал по вполне понятным причинам, однако это не было для него поводом сидеть на голяке. Зачем получать стипендию, когда ее получают другие? В общем, с деньгами в его группе оставались только те, кто пролезал в узкую форточку туалета на втором этаже, — это был единственный способ не встретить Ролана у выхода.

Поражает меня в нем не столько это. Поражает то, насколько он мог обходить любые наказания — приводы к котам, все эти приходы участкового домой были ему что совой об сосну. Он как бы с самого начала, заблаговременно, со всем своим кавказским темпераментом искренне был уверен, что делает все правильно. Разъяснительные беседы? На хую вертел. И ладно бы мелкий грабеж, тут и так понятно, но ведь его не останавливало ничто.

Например. Среди прочих, Ролан обчищал и тощего зубастика Витю Штакета, который ни-



ОПЫТЫ БЕСПРИУТНОГО НЕБА

когда не мыл голову. В отличие от других, Витя расставался с казенными бабками легко — ему хватало того, что он зарабатывал на продаже амвеевской химии старушкам. Получив в бухгалтерии степуху, Штакет скатывал купюры элегантной трубочкой и перетягивал это специальной резиночкой. Потом он выходил на крыльцо, поднимал солнцезащитные очки на сальное темечко и принимал непринужденную позу. Его длинные волосы, спаянные в единый сальный колтун, с немалой степенью элегантности вздрагивали, вызывая снегопад перхоти. Далее он проникновенно смотрел на Ролана, загадочно и томно улыбаясь, и, когда тот только собирался что-то спросить, Штакет доставал аккуратную трубочку.

Однажды, в конце очередного месяца, Штакет, традиционно вручив Ролану честно заработанное, пригласил его в пивную, угостил пивом и деликатно сказал визави, что тот низко летает. Что стипендии однокурсников и поездки в соседние города с целью пожить с телефонами малолеток — это все запахло. А вот настоящее дело для пацана его пошиба — это мошенничество с кредитными картами.

Штакет объяснил — тебе не нужно напрягаться. Просто дополни мой стартовый капи-

тал, и я все устрою. Тебе надо будет только раз в месяц ходить и снимать деньги в банке — сказка. Понадобятся левые сим-карты, может быть, пара паспортов, кое-какое компьютерное железо, да и вообще протекция разного характера. Если ты хочешь, это можно совмещать и с дойкой студентов — одно другому не мешает. Ролан почесал жбан, улыбнулся и хлопнул Штакета по плечу, обсыпанному жирной перхотью. Так начался дерзкий и опасный бизнес двух лучших преступников моего города. Темпераментное бесстрашие и ехидная прозорливость, грубая сила и деликатная хитрость объединились в одно.

Еще раз: избавляясь от этого мерзкого и тошнотворного контроля, который накладывает стыд, субъект становится свободным. Все остальное — вкусовщина. Куда он денет эту энергию — на грабежи, изнасилования и поджоги, или там вступит в партию национального спасения Камбоджи — дело десятое. Эта степень свободы никак не коррелирует с эрудицией, интеллектом, моральными принципами и другими вторичными качествами. Я сейчас про раскованность и отсутствие тормозов, а не про то, что такое хорошо и что такое плохо. У Ролана не было врагов, не было даже та-



ОПЫТЫ БЕСПРИУТНОГО НЕБА

кой постановвы — и поэтому любая битва была для него заранее выигранной.

Понятия не имею, сколько Ролану со Штакетом удалось поднять на этом деле. Факт есть факт: спустя год Ролан с маманей переехали за город и стали разводить перепелок. На какие деньги они смогли купить себе небольшой дом с участком, все эти клетки и пару десятков особей, я не знаю. Одна мама, работающая бухгалтером в небольшой фирме по продаже запчастей для автомобилей «Урал», явно не потянула бы такое приобретение.

С мелкой преступностью мой бывший сосед не завязал, вроде бы, наоборот, даже расширил сферы деятельности. Студентов он оставил, зато теперь промышлял ворованными тачками. На своей фазенде Ролан перебивал номера и перекрашивал недорогие модели «Жигулей» и старых иномарок, их пригоняли ему пацаны из соседнего города. Машинка выезжала из ворот дома как новенькая, оставалось только тормознуть возле речки и отмыть ее от перепелиного говна.

Вообще, Ролан любил тачки всегда. Помню, как лет в пятнадцать мы с друзьями скинулись и купили «Запорожец». Старенький дед в гаражном кооперативе продал нам вполне ходо-

вую машину за пятьсот рублей. Правда, легендарная тачка была без сидений — это нас не расстраивало, все равно водить из нас никто не умел. Зато это было первое наше авто! Красивая, мускулистая, глазастая, коренастая, маленькая и юркая машинка. Своя! Настроение у всей компании было такое, будто мы приобрели космический шаттл. Тогда, в пятнадцать лет, действительно можно было улететь к звездам на «Запорожце».

Мы перегоняли нашу ласточку по узким улочкам гаражных рядов, навалившись на нее всей гурьбой, — благо вес «запора» позволял вполне быстро гнать его с заглушенным мотором. Нам оставалась пара поворотов до бокса нашего друга, когда из одного гаража показался Ролан. Мне это сразу не понравилось. Он был хорошенько пьян, но оживился, увидев нас. Поздоровавшись, Ролан спросил, есть ли бенз, и, не дождавшись ответа, полез в машину. Осмотрев салон, он выругался, высунулся обратно и поспешил в гараж. Оттуда послышались грохот, лязг, а затем Ролан вышел из пыльного мрака с четырьмя маленькими табуретками в руках.

Смотрелся он в этом «запоре» гордо и основательно — огромный шестнадцатилетний



ОПЫТЫ БЕСПРИУТНОГО НЕБА

дядька на табуретке. Ему приходилось слегка нагибать голову, он тупо не влезал. Мы, офис от страха, уселись кто на табуреточки, кто на голую, ржавую жесть и помчались по лабиринтам бесконечных гаражей — они тянутся в городе моего детства на многие километры, образуя идеальный полигон для драк, грабежей, разбоя и вообще всего старого доброго ультранасилия.

Коты остановили нас, когда «запор» вырливал из одного кооператива и сворачивал в другой. «Ни прав, ни хуя. Пьяный еще, поди?» Ролан весело смотрел на него. «Давайте, мужики, вылезаем», — скомандовал старлей лет пятидесяти и шлепнул по капоту. Мы, и так вне себя от скоростной езды, на ватных ногах вылезли из нашего «Запорожца». «По-хорошему, — примирительно сказал гаишник, — идите домой, получите права, покатайтесь». Мы развернулись и поплелись вдоль гаражей, оставив нашу первую машину, — одиссея закончилась, космические ворота захлопнулись. Но Ролан не спешил. Он закурил, сунулся в салон, вытащил табуретку, сложил их стопочкой, закинул на плечо и, улыбаясь, пошел вслед за нами. «Э! Как я тебе поеду?» — крикнул ему старлей. «Как хочешь. Не ебет», — спокойно